

СМЕРШ

СМЕРШ в БОЮ

Подвиги сталинских «волкодавов»

Александр ТАМОНИКОВ

СМЕРЬ

**Нацисты
в белых халатах**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Нацисты в белых халатах / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (СМЕРШ в бою. Подвиги сталинских «волкодавов»).

ISBN 978-5-04-205607-9

В секретной лаборатории на территории Белоруссии нацистские медики создают уникальный препарат, который сделает солдат вермахта неуязвимыми. В качестве живого материала для своих изуверских опытов эскулапы используют узников концлагерей. Работы близятся к концу, но применить открытие палачам так и не удастся — лабораторию захватывают бойцы наступающей Красной армии. Абвер забрасывает в советский тыл группу диверсантов, которая освобождает пленных медиков. Но уйти им не удастся. Подразделение СМЕРШ во главе с майором Никитой Поповичем преследует врага и окружает его. Но даже обреченные на гибель, немцы яростно сопротивляются натиску контрразведчиков. И тогда майор Попович пускает в ход свое главное оружие — военную хитрость...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-205607-9

Глава 1

Сухощавый мужчина в медицинском халате, бледный, с глубокими лобными залысинами, перевернул страницу календаря и задумчиво уставился на текущую дату: 16 сентября 1943 года. Он зачем-то глянул на наручные часы, покачал головой, потянулся к папке, вынул листы, бегло просмотрел вчерашние лабораторные отчеты и недовольно покрутил головой. Его шею сдавил воротник кителя, который он носил под халатом. В петлицах в свете настольной лампы поблескивали молнии-руны.

Мужчина расстегнул ворот, ослабил давление на горло. Но это почти не помогло. В последнее время с ним частенько стало случаться такое.

Он вздрогнул, когда на столешницу улеглась тень. В рабочий кабинет, где отсутствовали окна, проникла особа в белом халате, с собранными на затылке белокурыми волосами. Она положила на стол тонкую папку из дорогой кожи.

— Доброе утро, герр Штеллер, — вкрадчиво поздоровалась женщина. — Это отчеты за ночь...

— Клара, а нельзя входить так, чтобы я не вздрагивал? — Мужчина раздраженно покосился на сотрудницу.

У женщины под халатом поблескивали такие же руны, а в другой петлице белел череп с перекрещенными костями.

— Извините, доктор. — Женщина виновато склонила голову. — Я не знала, что вы стали таким чувствительным. Прошу обратить внимание на последние лабораторные данные из четвертого блока. Они внушают оптимизм. Вам что-нибудь нужно?

— Да, кофе, — проворчал доктор Штеллер. — С молоком и сахаром. И не такой горячий, какой вы всегда приносите. Его невозможно пить.

— Хорошо. — Женщина бесшумно испарилась.

Когда она вернулась, лицо доктора Альфреда Штеллера, научного руководителя заграничного филиала института бактериологии в Дессау, уже не отражало все недовольство мира. Он с интересом всматривался в колонки цифр и пояснений к ним, оценивал графики и диаграммы. Кивнул, покосившись на маленький поднос, возникший перед глазами, и снова углубился в работу.

Женщина сухо улыбнулась и вышла.

Штеллер еще раз просмотрел последние сводки, откинулся на спинку стула, взялся за чашку и выругался, когда эта горечь с цикорием обожгла губы. Клара неисправима. Впрочем, помощница толковая, не боится смелых экспериментов, в постели не лежит упавшей статуей, как это делает супруга Магдалина, оставшаяся с детьми в Дессау.

Доктору Альфреду Штеллеру недавно исполнилось сорок три. Этот видный бактериолог Третьего рейха когда-то блистал на кафедре вирусологии Мюнхенского медицинского университета, читал лекции, занимался научной работой. В последние годы он ушел в тень, полностью посвятил себя разработке вакцины от сыпного тифа.

Альфред подумал, что действительно стал чувствительным к перемене климата, достижениям конкурентов, собственным промахам и неудачам. Он упорно двигался к цели, не забывал держать себя в нормальной физической и духовной форме. Но в последнее время ему очень часто приходилось нервничать.

Штеллер допил отвратительный пережженный напиток, пружинисто поднялся. Каждый день он работал с гантелями, бегал кроссы по периметру центра.

Он вышел из кабинета, притворил за собой дверь. Часовой в черной форме с кобурой на поясе приветствовал его, приняв стойку «смирно». Доктор кивнул. Мол, виделись уже.

Центральный коридор подземного сооружения был относительно широким. Бетонные стены, утробный гул постоянно работающих генераторов. Он направился влево по коридору, мимо запертых железных дверей.

До прихода германской армии в восточную часть Белоруссии здесь, на отшибе, у большевиков функционировала закрытая психлечебница.

Но для нужд медицинского центра этого, конечно, не хватало. Доктор Штеллер лично планировал, как переделать это учреждение под свои нужды.

Строительство продолжалось четыре месяца. Зону оцепили, ввели строгий пропускной режим. Здесь работала строительная организация Фрица Тодта, две сотни советских военнопленных.

Итог доктора вполне устроил. Подземные лаборатории, впечатляющая опытная база со всеми степенями защиты для персонала, крематорий. Наверху бараки для опытного материала, бытовые помещения, казармы.

Центр функционировал около двух лет. Доктору здесь нравилось — далеко от конкурентов и пронырливых ищек из Управления имперской безопасности. Да и материал для исследований не в дефиците. До Оршанского гетто всего сорок километров. А там есть хорошие знакомые, которые всегда не прочь избавиться от лишних ртов.

Вытянулся второй часовой у входа на лестницу. Навстречу прошмыгнули парни в белых халатах, молодые, но многообещающие лаборанты из второго блока.

Вентиляция работала не очень, на лестнице чувствовалась духота. Доктор поспешил спуститься на ярус, миновал раздвижные двери. Поднялись двое, выбросили руки в нацистском приветствии. Он небрежно отмахнулся, снова вышел в коридор.

В первом и втором блоках делать ему было нечего, они пустовали после санитарной обработки. Штеллер спустился еще ниже, вошел в узкий коридор. С одной стороны глухая стена, с другой — клетушки. В каждой дверь, окно для передачи пищи, фактически шлюз, исключаящий распространение заразы, оптический глазок для наблюдения. Защитные костюмы в этом коридоре не выдавались. Он считался безопасным.

Штеллер покосился на настенную табличку, освежая в памяти исходные данные. Ранняя дата инфицирования. Вакцина вводилась подопытным три недели назад посредством уколов. Доктор отдавал предпочтение этому способу. Воздушно-капельный считался небезопасным. Запасов бактерий сыпного тифа в лаборатории накопилось вдоволь. Инкубационный период, когда риккетсии проникают в кровь, попадают в лимфоток и направляются для размножения в лимфатические узлы, составлял от десяти до четырнадцати дней.

Альфред приблизился к первому боксу, припал к глазку. Помещение крошечное, метр на два.

«Нормальный гостиничный номер с бесплатным питанием», — шутил его заместитель, штурмбаннфюрер с высшим медицинским образованием Клаус Эрдман.

Бетонный мешок, яркая лампочка под потолком. Узкие нары, отхожее место в углу, маленький откидной столик для приема пищи. Действительно, что еще надо для растительной жизни?

Обитатель бокса был полностью обнажен. Он свернулся в углу между нарами и отхожим местом, мелко подрагивал. Человек был не старый, но совершенно седой. На его черепе кое-где поблескивали островки плешей. Подопытный не выглядел изможденным, их кормили, но болезнь брала свое. Весь живот покрывала пятнистая розовая сыпь. Конечности мелко дрожали. Мужчину преследовал жар, он что-то бессвязно бормотал, тряс головой, терял сознание, потом ненадолго приходил в себя, тоскливо смотрел в потолок слезящимися глазами.

Чесотка не давала ему покоя. Он яростно скреб обкусанными ногтями поврежденные участки кожи, превращая их в глубокие нарывы.

— Тяжелый случай, Альфред? — прозвучал вкрадчивый голос.

Штеллер покосился через плечо. К нему подошел Клаус Эрдман, мужчина схожей комплекции, того же возраста. Он носил очки. Зрение в последние годы стало подводить. Они учились вместе, делали совместные шаги в чарующем мире вирусно-бактериологических исследований.

Год назад Штеллер предложил бывшему сокурснику переехать из уютного Кёльна в далекую враждебную Белоруссию, и тот, как ни странно, согласился. Видимо, чуть подсказало, что у Штеллера больше шансов, чем у его конкурентов из Бухенвальда и Нацвейлера. Развлечений

в этой местности было немного. Но это не такая уж досада для фанатиков своего дела.

— Не думаю, что следует их здесь держать, Клаус, — проворчал Штеллер. — Этот блок надо очистить и хорошо продезинфицировать. Клиническая картина мне ясна.

— Шестеро заболевших из двадцати возможных. — Эрдман хмыкнул. — Нечто подобное было у доктора Пола. Он считал это неплохим результатом. Во всяком случае, не сомневался в том, что движется в верном направлении.

Штеллер промолчал. Этот бездарь доктор Пол занимался выработкой вакцины по заданию германского правительства. Да, отчего бы не работать в Бухенвальде? В сорок втором году он заразил тифом 26 цыган, предварительно введя им сыворотку собственного изготовления. Шестеро умерли от прогрессирующей болезни. Руководство осталось недовольно, мол, высокий процент смертности. Дальнейшие исследования ни к чему не привели, до текущего года, во всяком случае. Процент оставался тем же.

У доктора Кретьена в концлагере Нацвейлер получалось лучше. Те же шесть летальных исходов, но уже на 80 цыган. Но даже этот результат наверху посчитали посредственным. Правительство выделяло средства, но воз, как говорят русские, и ныне там.

Штеллер был уверен, что рано или поздно покажет этим тупицам, как надо работать, добьется

оглушительного успеха. Но его жутко раздражали достижения этих чертовых русских! Их способный микробиолог из Перми Пшеничнов в конце тридцатых как-то сумел выжить и даже сохранить свой пост заведующего кафедрой микробиологии. Еще в прошлом году он создал эффективную вакцину.

Этот факт оказался тяжелым ударом по самолюбию Штеллера. Что за вакцина, он не знал. Информацию русские засекретили, получить формулу немецкая разведка не смогла. Возможно, это была дезинформация.

В любом случае, пока у русских дойдет до применения, годы пролетят. Немецкие ученые форсировали работу, кто-то потихоньку добивался результатов.

Доктор сместился к следующей камере. Всего их в коридоре было двадцать.

Растрепанная женщина, обвисшая кожа, одутловатое лицо, черные круги вокруг глаз. Она еще не вышла из детородного возраста, но растеряла всю привлекательность.

Впрочем, прелести подопытных доктора не волновали, он их просто не замечал. Да и за людей этих двуногих и сравнительно прямоходящих существ не считал. Она сидела на нарах, обняв себя за плечи. Женщина тяжело дышала, раскачивалась, ее глаза бессмысленно блуждали.

Возможно, у нее начинались проблемы с психикой, что неудивительно при длительном на-

хождении в замкнутом пространстве. Или что-то другое. Но никак не сыпной тиф. Данный экземпляр не заразился.

В следующей камере сидел чернявый паренек лет пятнадцати. Столик откинут, на нем пустая миска, «безопасная» алюминиевая ложка. Паренек был неподвижен. И тоже никаких признаков прогрессирующего заболевания.

В четвертой же камере тиф процветал! Снова женщина, худая, длинноногая, возможно, молодая. Она металась в бреду на нарах. Почти все ее тело обросло фиолетовой сыпью. К завтраку подопытная не прикасалась, миски стояли в стальном коробе. Она расчесывала себя до крови. Все нары и стены были измазаны ею. В подобном состоянии человек не думает даже о спасительном самоубийстве, которое повернуть в этих стенах проблематично.

Впрочем, не так давно одному удалось. Он ухитрился разбить затылок о бетонную стену.

Дальше доктор не задерживался, припадал к глазку и шел по коридору. Заболевших подопытных в блоке не прибавилось. Те же шестеро. Отработанный материал.

Он вернулся к выходу, по боковому коридору перешел в четвертый блок. Нетерпение подгоняло его, но он сдерживался.

Учтиво поздоровался с шефом нескладный Отто Крузе, бывший лаборант, ответственный за порядок в четвертом блоке. Он убедился в том,

что доктор прибыл не по его душу, и растворился в чреве коридоров.

Те же двадцать узких боксов, слепящий свет. Данную публику инфицировали две недели назад улучшенной вакциной, которую Штеллер изготовил лично, отказавшись от услуг помощников и прочих лаборантов. Он не спал две ночи, ломая голову над совершенствованием суспензии возбудителей болезни, которой заражал вшей. Не отходил от бинокулярного микроскопа с тридцатикратным увеличением, впрыскивал ее через капилляр в кишечник насекомого.

Неужели попал? Или рано об этом говорить? Две недели — оптимальный срок, но бывали случаи, когда инкубационный период длился дольше. Он чувствовал волнение, но держал себя в руках. Помощник Эрдман наступал ему на пятки.

Пожилой мужчина в первой камере скорчился в три погибели и спал. Следом девочка-подросток. Она тоже свернулась на нарах и тихо всхлипывала. Двое мужчин, женщина, ребенок...

Возбуждение доктора нарастало. Симптомов болезни не было ни у кого!

В восьмой по счету камере лежал мертвец. У старого еврея не выдержало сердце. Пальцы скрючены, лицо, обросшее клочковатой бородой, свела судорога. Умер недавно — персонал проводил осмотр ежечасно, — но, слава богу, не от тифа.

В следующих камерах тоже все в порядке. Кто-то спал, кто-то лениво доедал завтрак — калорийную ячменную кашу, немного сдобренную свиными потрохами. Чего не сделаешь ради науки? В питье подопытным тоже не отказывали. В каждой камере стояла канистра из пластика, наполненная кипяченой водой.

За условиями содержания материала Штеллер следил и строго спрашивал с подчиненных. Заключенных не били, не истязали работой, продукты и воду тщательно обеззараживали. Дополнительные инфекции центру были ни к чему.

Штеллер внимательно всматривался в глазки. Многие люди в этом блоке плохо себя чувствовали, проваливались в какой-то анабиоз, но ни одного симптома болезни! Кожа была чистая, повышенной температурой никто не страдал.

В последней камере в позе роденовского мыслителя сидел молодой человек с полностью высушенной кожей и угрюмо смотрел в противоположную стену. Когда брякнула крышка, закрывающая глазок с обратной стороны, он резко вскинул голову и с ненавистью уставился на мутную гладь из толстого стекла. Было что-то пугающее в этом немигающем взгляде.

Но доктор Штеллер был приучен ко всему. Его это не впечатлило. Не верил он в мистику и проникающие взоры. Альфред отстранился от глазка, смерил взглядом улыбающегося помощника.

— Даже скучно, да? — пошутил тот. — Все живы, все здоровы.

— Выждем несколько дней, — задумчиво сказал Штеллер. — Если симптомы не проявятся, то можно будет сделать предварительные выводы. Возможно, мы столкнулись с увеличением инкубационного периода. Вакцина может сдерживать распространение риккетсий. Нельзя с достоверностью утверждать, что все они погибают. Распорядитесь, Клаус!.. К четвертому блоку должно быть приковано повышенное внимание.

— Хорошо, шеф, — сказал помощник. — Неясное чувство мне подсказывает, что вы переплюнули наших друзей из Дахау и Бухенвальда.

— Утечка информации недопустима! — заявил Штеллер. — Позаботьтесь об этом. Ограничьте доступ к телефонным линиям, просматривайте письма, запретите выезд персонала за пределы центра. Отмените увольнительные охранникам. Они отдохнут после победы. Опытную партию новой вакцины мы сможем изготовить уже завтра. Она будет небольшой, я планирую еще поработать над ней.

— Эту формулу нам следует держать в секрете, — пробормотал Эрдман.

— Неужели? — Штеллер усмехнулся. — Формула здесь. — Он выразительно коснулся угловатого черепа. — И больше нигде. Так что следует усилить меры безопасности. Переговорите с управлением СС в Орше. Пусть пришлют взвод

подготовленных солдат. Я собираюсь провести завтра утром еще одну вакцинацию. Мне понадобится первый блок. Пусть в нем проведут повторную дезинфекцию.

— Я понял вас, Альфред. Разумеется, мы все сделаем... — Эрдман как-то смутился.

— Договаривайте, Клаус, договаривайте! — заявил Штеллер.

— Я имею в виду русских, Альфред. — Эрдман справился со смущением. — Наши войска отступают из Смоленщины. Есть опасения, что скоро наши враги вторгнутся в Белоруссию, и мы просто не сможем их сдержать. Новая серия опытов — это как минимум три недели работы. Мы можем не успеть. Хотите знать мое откровенное мнение, Альфред? Мы проделали львиную долю работы. Эффективная вакцина у нас... у вас в кармане. Следует сворачивать работу в Белоруссии, вывозить документацию, персонал, ценное оборудование, перебазираться хотя бы в Польшу.

— Вы это серьезно, Клаус? — осведомился Штеллер. — Разуверились в силе германского оружия? Считаете, что мы отступаем? Бросьте, Клаус. Все это временные трудности, не имеющие отношения к конечному результату нашей военной кампании. Мы не отступаем, а выравниваем линию фронта, чтобы нанести большевикам новые сокрушительные удары. Вы всерьез полагаете, что они придут сюда?

— Альфред, вы оторвались от реальности с этой вашей бессонной работой. Мне не хотелось бы настаивать...

— Вот и не настаивайте, — сказал Штеллер. — Вы будете делать это в другом месте и при иных обстоятельствах. Я пока еще руковожу этой лабораторией, и будьте добры исполнять мои указания. Прикажите подготовить новую партию заключенных, провести дополнительную дезинфекцию в первом блоке и очистить третий. С этим экспериментом мне все ясно. Мне хотелось бы побеседовать с парой испытуемых из третьего блока, которые не подверглись заражению.

— Вы бы лучше отдохнули, Альфред, — проворчал Эрдман. — У вас неважный вид. Вас когда-нибудь добьют эти бессонные ночи. Хотя кому я все это говорю? Хорошо, Альфред, все ваши пожелания будут выполнены. Надеюсь, вечером вы найдете время, чтобы перекинуться в покер?

Штеллер тоже испытывал сомнения в непобедимости германской армии, но старательно их скрывал. Он не понимал, почему немецкая армия вдруг стала отступать, проиграла битвы под Москвой, Сталинградом и Курском. Он не был военным специалистом, хотя формально носил звание оберштурмбаннфюрера и даже соответствующую форму.

Доктор Штеллер считал, что каждый истинный патриот Третьего рейха должен заниматься своим делом и поменьше лезть в чужие. Бросить

лабораторию в Буровичском районе — это смерти подобно! Да, он это делает, но только в крайнем случае, когда положение на фронтах окончательно испортится.

Специальная команда в защитных костюмах освобождала третий блок. Людей прогоняли через шлюзы. Неспособных идти вытаскивали баграми и специальными приспособлениями с крюками. Двоих поместили в зону принудительной стерилизации, где надсмотрщики обрабатывали их напором воды со специальным раствором. Остальных на тележках отправляли по шахте вниз.

Подземная печь работала исправно. В нее попадали даже здоровые подопытные. Повторные опыты над теми же людьми Штеллер никогда не проводил. Отработанный материал просто уничтожался. Дефицита человеческой плоти нацистские медики не испытывали.

Труба крематория находилась в овраге, на краю исследовательского центра. Печи приводились в действие только при благоприятном направлении ветра. Сегодня он был западный, самый подходящий.

Захлопнулись створы печи, жадно вспыхнули газовые горелки. В адском пламени все исчезало за минуты. Люди не успевали даже вскрикнуть. Труба коптила, ветер гнал зловонный дым на восток. То, что оставалось от людей, утрамбовывалось в специальную шахту.

Из-за толстого стекла на Штеллера смотрела женщина лет тридцати, уже не обнаженная, на нее накинули серую мешковину. Сутулая, совсем седая, она казалась глубокой старухой. Пустые глаза смотрели сквозь доктора. До нее не доходило, где она находится и что происходит.

Рядом с женщиной сидел мужчина средних лет, кудрявый, с горбатым носом. Он еще не потерял надежду, жалобно смотрел на доктора, облизывал губы.

Эти люди выглядели здоровыми. Не считая, конечно, последствий долгого заточения.

— Здравствуйте, господа, — вкрадчиво проговорил Штеллер, приготовив блокнот и ручку. — Мы можем с вами побеседовать? Как вы себя чувствуете?

Все это звучало издевательски, но доктор был в своем ампула. В общении с подопытными он всегда проявлял учтивость и не повышал голоса. Это были не просто евреи. Они вносили вклад в торжество германской науки. Он мог себе позволить быть вежливым. Рядом сидел переводчик с немецкого на русский и прилежно пересказывал все, что слышал.

— Кто вы? — прошептала одними губами женщина.

Двусторонний микрофон, прикрепленный к стеклу, усиливал звук.

— Я ваш доктор. Меня зовут Альфред Штеллер, а вас?